

Течет река Ветлуга, оставляя на своем пути при поворотах высокие берега с одной стороны и широкие пляжи желтоватого песка или места болотистую равнину, накрытую густым лесом, с другой. Чистотой воды отличалась лесная река, пробивая себе путь до Волги. Когда-то, лет шестьдесят тому назад рыбаки сетями вылавливали и грузили в большие корзины царскую рыбицу – стерлядку – достигающую метровых размеров и более. Затем наступили времена бурного технического освоения с загрязнением ветлужской воды и, как результат, оскудение рыбных богатств. И пропала в реке стерлядка. Остались одни воспоминания уцелевших в борьбе со временем старожиллов.

В семи километрах от рабочего поселка «Красные баки» вниз по течению реки делает она не очень крутой поворот в сторону к востоку, в связи с чем правый берег высоко вздыбился. На обратной стороне – густой лес, и, кажется, нет конца этому лесному массиву, богатому грибными и ягодными полянами. На высоком берегу – село Ильинское с двумя-тремя улочками деревянных построек и высокой башней. Сейчас она пустует, в селе наездами отдыхают одни дачники. Мой дом рядом с обрывом, последний в селе. За забором – кладбище.

Захотелось побродить, заглянуть в прошлое. Вот сгрудились в беспорядке холмики большого семейства Панкратовых. Возглавляют бывшую семью глава со своей супругой. Прочитать их имена и даты смерти невозможно – время безжалостно стерло когда-то старательно выведенные буквы и цифры. Ниже рассыпаны холмики членов семьи более поздних времен: дети, внуки, правнуки. Рядом еще два семейства.

Я представив жизнь села столетней давности.

Тюк, тюк – слышатся удары топоров. На дальнем конце улицы строятся новые хоромы. Рядом мужик с бородой запрягает лошадь – собирается куда-то ехать. За соседней улицей раздаются глухие удары – кузница. По дороге возница везет мешки с мукой – из мельницы возвращается. А вон дом местного купца. Первый этаж – склад товаров, второй – жилое помещение. Оттуда раздаются звуки гармоники. Веселятся. На столе на весь противень – слой теста, а на нем рыба всякая. Сначала вкушают рыбу, а уж потом и запеченное тесто, пропитанное соками рыбы. Запивают клюквенной бражкой. Во дворах свинарники, коровники, конюшни. По улицам, чинно расхаживая, гогочут гуси, кудахчут куры, охраняемые ярко раскрашенными петухами. Раздался протяжный звук колокола. Какое же село без церкви? А на той стороне Ветлуги бригада лесорубов.

Ну, хватит, иду дальше. Огромный в два обхвата дуб высоко вознес свои ветви. Вырос этот дуб прямо из того места, где когда-то был похоронен, судя по всему, незаурядный человек. Ствол дуба сдвинул на могилу небольшой памятник с памятной металлической пластиной: «Иван Петров Акинфوف. Почил безвременно в 1913 году тридцати лет от роду». Пытаюсь представить человека, достойного этого памятника. Вот он – веселый, крепкий парень, создавший в селе Ильинском артель по вырубке леса и сплаву его до Волги. Родители молодых девиц засматривались на этого богатого жениха.

Неподалеку еще одна могила. В изголовье дерево. Мертвое, без коры. Желто-коричневый ствол без единого листика. Сколько зла надо было впитать этому дереву, чтобы превратиться в такой страшный образ смерти.

И я будто услышал проникающий в душу стон.

«Кто ты, мил человек», – подумал я.

«Грешник, нет мне прощения. Душа в муках, нет ей успокоения».

«Что сделал ты? В чем виноват ты и перед кем?»

«Перед всеми виновен, и перед собой тоже. Гордыня сгубила меня».

«Кем ты был?»

«Гулякой, бражником. Не работал. Грабил тех, у кого было что взять. Когда Настю увидел – готов был жизнь за нее отдать. Работать стал у Ивана. Подарки ей приносил. Не брала – не любила».

«Счастье любви не всем выпадает. Если не любит, значит, счастье не твое».

«Терпел. Ушел из села, чтобы где-нибудь сгинуть. Ничто меня не брало, только тоска беспросветная мучила. Когда узнал, что Настя с Иваном в церкви венчаются, зло неугасимое поглотило меня. Прямо в церкви вонзил в спину Ивану нож. Иван упал. Настя вскрикнула и упала рядом без памяти. Люди выволокли меня, бить стали, а я смотрел на небо и ничего не чувствовал. Когда увидел, что Настю вынесли, чтобы к лекарю везти, вскочил я, взвыл зверем и убежал в лес. Метался несколько дней, потом бросился в село, а там Настю сетями ищут. Не выдержала, вышла на крутой берег и прыгнула в воду. Долго искали ее – не нашли. Река быстрая, унесло ее. Решил я, во что бы ни стало, найти ее, прижать к своей груди и оживить любовью своей. Далеко ушел вниз по течению, навесил на себя два камня и стал по дну бродить, пока воздуху хватало, выныривал и снова нырял, постепенно приближаясь к селу. На третий день нашел ее в заводи недалеко от села Ильинского. Целовал, обнимал, согревал ее бездыханную. Сколько слез пролил над ее телом, сколько проклятий обрушил на себя за содеянное, пока не понял, что для освобождения души должен я похоронить ее. Похоронил ночью в той же могиле, где Иван похоронен, и даже на дощечке надпись сделал: *«Здесь упокоены любящие друг друга Иван и Настя, сгинувшие от руки бандита и разбойника. Пусть земля им будет пухом, а на убийцу пусть обрушатся громы и молнии»*. Вот только дощечку эту убрали люди, потому что Настенька покончила жизнь самоубийством».

«Ты бы к батюшке сходил, исповедался в грехах своих».

«Не хочу, чтобы мне полегчало. Я сам истязал себя, сам себя наказывал. Хотел сжечь себя, да не успел. Свалился в лесу и дух испустил. Муравьи сожрали половину оставшейся на мне плоти. Кто-то из добрых людей нашел и зарыл останки здесь, в этой яме рядом с тем, кого я жизни и счастья лишил».

Я открыл глаза. Передо мной голый ствол, изъеденный червями, а рядом огромный дуб – воплощение Ивана.

Вышел с кладбища, взглянул на сегодняшнее село Ильинское. Школа давно опустела, дома в большинстве своем подгнили. Только также журчит река Ветлуга, как журчала она уже много десятилетий.

А над крышами, в вышине, с грохотом пробил звуковой барьер реактивный самолет.